

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1911 — 1912.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДЕСЯТИ ТАБЛИЦЪ И СЪ ТРИНАДЦАТЬЮ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лп., № 12.

1913.

лингвистовъ проф. В. В. Бартольдъ¹⁾). Возможно также предполагать вліяніе на балкаровъ и карачаевцевъ ставропольскихъ калмыковъ.

Наличность монгольскихъ элементовъ въ говорѣ балкаровъ и карачаевцевъ должна побудить туркологовъ обратить особое вниманіе на говоръ отуреченныхъ калмыковъ, живущихъ въ аулѣ Кучерли среди ставропольскихъ туркменовъ и извѣстныхъ подъ именемъ Казыларъ; посѣтивъ этотъ аулъ только проездомъ, я не имѣлъ времени произвести достаточныхъ лингвистическихъ наблюдений и лишь установилъ, что эти калмыки-мусульмане говорятъ по турецки, но сохранили калмыцкія родовыя имена, среди коихъ имѣется имя түркмѣт, представляющее собой калмыцкое множественное отъ турецкаго түркмѣн. Gröhle не обратилъ никакого вниманія на монгольскіе элементы въ языкѣ карачаевцевъ.

Изъ турецкихъ словъ представляютъ интересъ слѣдующія: артмак — *мышокъ*, *сумы* (Gröhle, карачаевское; по Радлову: тобольск., джагат., куманское; Németh, abs.); олтур — *сидѣть* (Gröhle — карачаевское; по Радлову: куманск., крымск., куманд., уйгурск., караимск., Németh, abs.); кергі — *правильно* (Gröhle, карач.; по Радлову: команск., караимск.; Németh, abs.); напык — *малина* (Gröhle, карач.; см. Радловъ *нопаг*, *нонам*, *нонык* — *черника* у сагайц., *шорцевъ*, *мад.*; Németh, abs.); балгуз (Радловъ, Németh, Gröhle, abs.) — сахаръ (собст.: медь-соль), кап уста — гадатель (кап не кам-ли? шаманъ? Радловъ, Németh, Gröhle, abs.).

Закончимъ нашъ отзывъ о работѣ Н. А. Караулова горячимъ пожеланіемъ, чтобы авторъ, несомнѣнно обнаружившій въ рядѣ своихъ работъ по кавказовѣдѣнію живой интересъ къ изученію своего родного края, обратилъ вниманіе на указанные нами недостатки въ его научныхъ приѣмахъ и принялъ мѣры къ ихъ устраненію, о болгарскомъ же говорѣ будемъ съ терпѣніемъ ожидать новыхъ свѣдѣній, болѣе точныхъ и полныхъ, чѣмъ въ работахъ гг. Караулова и Németh.

А. Самойловичъ.

379. Chau Ju-Kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the twelfth and thirteenth centuries, entitled Chu-fan-chi, translated from the Chinese and annotated by Friedrich Hirth and W. W. Rockhill. St. Petersburg 1912. 288 p. 8°. К.

Ф. Хиртъ и В. Рокхиль на этотъ разъ знакомятъ насъ съ китайскимъ сочиненіемъ, авторъ котораго занималъ должность инспектора внешней торговли въ провинціи Фу-цзянь и потому имѣлъ возможность получать изъ первыхъ рукъ всѣ свѣдѣнія, касавшіяся морской торговли Китая; тѣмъ

1) Къ вопросу о происхожденіи кайтаковъ, Этнографическое Обзорѣніе, кн. 84—85.

не менѣе оцъ, какъ доказываютъ переводчики, вносилъ въ свой трудъ также матеріалъ, заимствованный изъ книжныхъ источниковъ, притомъ безъ оговорокъ и ссылокъ. Вопросъ о его источникахъ, въ связи съ исторіей морской торговли Китая вообще, разсмотрѣнъ переводчиками въ обширномъ введеніи (стр. 1—39); переводъ слабженъ подробными примѣчаніями, также заключающими въ себѣ богатый матеріалъ для выясненія одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ культурной исторіи человѣчества — вопроса о вліяніи культуры Передней Азіи на культуру Дальняго Востока и обратно.

Переводчики не могли не отмѣтить характерную черту этихъ сношеній—большую предприимчивость жителей западныхъ странъ по сравненію съ китайцами. Въ эпоху Римской имперіи разница въ этомъ отношеніи еще не была такъ велика, какъ впоследствии; въ эту эпоху суда какъ изъ Китая, такъ и изъ римскихъ владѣній доходили только до Индіи; могли быть только отдѣльные случаи, не имѣвшіе дальнѣйшихъ послѣдствій, путешествія грековъ въ Китай или китайцевъ до Адена или Персидскаго залива (стр. 4). Однако, по прямому свидѣтельству¹⁾ китайской «Исторіи младшихъ Хань» (Хоу-Хань-шу) греческое «посольство» въ 166 г. по Р. Хр. прибыло къ берегу Ашшама, и съ тѣхъ поръ у китайцевъ завязались «непосредственныя сношенія» съ Римской имперіей, тогда какъ сами китайцы говорятъ, что до VI в. ни одинъ китаецъ и только немногіе изъ жителей Камбоджи, Ашшама и Тонкина, если такіе случаи вообще были, достигали Римской имперіи, хотя купцы изъ этихъ странъ часто приходили въ Индо-Китай (стр. 6).

Въ дальнѣйшей исторіи этихъ сношеній, до образованія халифата, переводчики, повидимому, отводятъ слишкомъ значительное мѣсто *арабской* національности и недостаточно ясно представляютъ себѣ успѣхи *персидской* торговли въ эпоху Сасанидовъ. Ими отмѣчается фактъ (стр. 7 и слѣд.), что съ конца IV до начала VII вв. всѣ товары, въ дѣйствительности привозившіеся изъ Индо-Китая, Цейлона, Индіи, Аравіи и съ восточнаго берега Африки, считались въ Китаѣ произведеніями Персіи, даже дѣлается отсюда выводъ, что Персія была «родиной большинства купцовъ, привозившихъ эти товары въ Китай». Тѣмъ не менѣе они считаютъ распространеніе въ Китаѣ одного изъ западныхъ растений, жасмина, доказательствомъ «предприимчивости арабовъ съ южнаго берега Аравіи» (стр. 4). Ф. Хиртъ еще раньше²⁾ привелъ извѣстіе китайской книги *Нань-фанъ-цао-му-чжуанъ*, составленной около 300 г. по Р. Хр., по которому «арабско-персидское» слово для обозначенія жасмина, впоследствии перешедшее въ Европу, уже

1) Приведено у Ф. Хирта, *China and the Roman Orient*, p. 42.

2) *Ibid.*, p. 270 и слѣд.

въ то время было извѣстно китайцамъ, причѣмъ китайцы говорятъ, что какіе-то варвары (*ху-жэн*) изъ западныхъ странъ привезли это растеніе въ Кантонъ. Ф. Хиртъ заключаетъ изъ этого, что эти варвары «должны были имѣть факторіи въ Кантонѣ, такъ какъ, если-бы у нихъ не было въ странѣ прочныхъ интересовъ, они не подумали бы пересаживать на эту отдаленную почву растенія изъ чужихъ странъ». Едва ли этотъ послѣдній доводъ убѣдительнѣе; вполнѣ возможно, что успѣхъ жасмина въ Китаѣ объясняется какими-нибудь неизвѣстными намъ причинами мѣстнаго характера и что о распространеніи этого растенія заботились сами китайцы, а не привезшіе его иностранцы. Во всякомъ случаѣ слово *ياسمين* — не семитическаго корня; арабы могли заимствовать его только отъ персовъ, и по меньшей мѣрѣ спорно, могло ли это заимствованіе произойти еще въ такую раннюю эпоху.

Въ началѣ VII в., по мнѣнію переводчиковъ (стр. 14), «иностранная колонія въ Кантонѣ, состоявшая главнымъ образомъ изъ персовъ и арабовъ», была уже довольно многочисленной, такъ какъ исламъ, повидному, распространился здѣсь уже между 618 и 626 гг. (т. е. еще при жизни Мухаммеда!); мало того, «есть даже нѣкоторое основаніе полагать», что у мусульманъ уже въ то время были поселенія въ Цюань-чжоу и Япъ-чжоу, хотя гавань Цюань-чжоу получила значеніе для торговли Китая только въ IX в. Китайскіе авторы и европейскіе синологи въ этомъ случаѣ отнеслись съ излишнимъ довѣріемъ къ преданіямъ, возникавшимъ среди мусульманъ въ Китаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, куда проникъ исламъ; въ каждой изъ этихъ странъ первые успѣхи ислама старались связать съ именами пророка, его сподвижниковъ и ближайшихъ преемниковъ, часто въ полномъ противорѣчій съ достовѣрными историческими извѣстіями¹⁾.

Нѣтъ никакого основанія полагать, что исламъ проникъ въ Китай еще до паденія государства Сасанидовъ; гораздо правдоподобнѣе, что арабскіе завоеватели воспользовались тѣми торговыми путями, которые въ сасанидскую эпоху были проложены персами. Въ исторіи Персіи послѣдніе вѣка господства Сасанидовъ были единственной эпохой, когда персидскимъ правительствомъ предпринимались морскіе походы въ отдаленныя страны; такимъ образомъ были завоеваны Іемень и Цейлонъ²⁾. Слово *Tzinista* (т. е. Чинистанъ) въ разсказѣ Козьмы Индоплавателя (VI в.), приведенномъ и въ разбираемой книгѣ (стр. 3), ясно показывасть, что греческій авторъ свои

1) Ср. напр. мою статью «Daghestan» въ *Enzyklopaedie des Islām*, Bd. I, S. 926.

2) Th. Nöldcke (Tabari, S. 250, № 3) сомнѣвается въ достовѣрности послѣдняго факта; но, такъ какъ фактъ морской экспедиціи въ столь же отдаленный Іемень не подлежитъ сомнѣнію, то нѣтъ основанія отвергать извѣстіе о завоеваніи Цейлона.

свѣдѣнія о Цейлонѣ и Китаѣ получаятъ отъ персовъ. Еще болѣе характерно, что до-мусульманское персидское слово *багнуръ* («сынъ бога» или «сынъ Неба»), какъ называли китайскаго императора, сохранилось у мусульманъ, какъ у персовъ, такъ и у арабовъ¹⁾, какъ въ литературѣ, такъ и въ живой рѣчи, и въ XIII в. перешло отъ персовъ-мусульманъ къ европейскому путешественнику — Марко Поло²⁾. Очень вѣроятно, что расширеніемъ внѣшней торговли, благодаря политическому могуществу ислама, болѣе образованные и повѣрцы — христіане, евреи и зороастрійцы — воспользовались раньше, чѣмъ мусульмане, что этимъ слѣдуетъ объяснить какъ успѣхи христіанской пропаганды въ Китаѣ и Средней Азіи, такъ и образованіе тѣхъ зороастрійскихъ поселеній въ Индіи, благодаря которымъ впоследствии возникла легенда о выселеніи парсовъ изъ Персіи въ Индію послѣ мусульманскаго завоеванія³⁾.

Первымъ достовѣрнымъ извѣстіемъ о морскомъ могуществѣ мусульманъ въ Восточномъ океанѣ является рассказъ Танъ-шу о разграбленіи Кантона мусульманскимъ флотомъ въ 758 г. (стр. 15). Изъ того же Танъ-шу переводчики заимствовали свѣдѣнія о странахъ между Китаемъ и Персидскимъ заливомъ, собранныя между 785 и 805 гг. Цзя-дан'емъ (Кіа-Тан); эти свѣдѣнія, какъ доказываютъ переводчики (стр. 10), получены отъ иностранныхъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Кантонъ и, вѣроятно, не разъ посѣщавшихъ и другія гавани Китая. Между прочимъ, изъ всѣхъ китайцевъ только одинъ Цзя-данъ говоритъ объ арабской гавани Мо-ло, т. е. объ Ормузѣ (при входѣ въ Персидскій заливъ); столь же важныя гавани Сирафъ и Аденъ до конца XII в. оставались неизвѣстными китайцамъ даже по имени (стр. 15). Изъ этого видно, что при сношеніяхъ съ западными странами роль китайцевъ и въ эту эпоху была столь же пассивной, какъ прежде⁴⁾. Въ началѣ VII в. есть извѣстіе о плаваніи китайцевъ къ берегамъ Сіама, но этотъ фактъ признавался исключительнымъ (стр. 8).

Послѣ Цзя-дан'я въ китайской литературѣ при династіи Танъ (618—907), повидимому, больше не было свѣдѣній о Передней Азіи; въ Танъ-шу, въ главѣ о да-ши (арабахъ), приводятся имена халифовъ только до Харуна

1) Любопытно, что арабскій переводъ этого выраженія у Мас'уди (Ptraires d'or, I, 306) السماء ابنъ болѣе соотвѣтствуетъ китайскому Тянь-цзы, чѣмъ обыкновенное значеніе персидскаго слова *баг* (древне-перс. *бага* «божество»).

2) Изд. И. П. Минаева, стр. 199.

3) К. А. Иностранцевъ, Сасанидскіе этюды, С.-Пб. 1909, стр. 6.

4) Замѣчательно, что въ арабской литературѣ на это нѣтъ примыхъ указаній; напротивъ, по Мас'уди китайцы ѣздили въ страну арабовъ, какъ арабы въ страну китайцевъ (Ptraires d'or, I, 308). F. Hirth и W. Rockhill (стр. 15) толкуютъ это извѣстіе въ томъ смыслѣ, что «китайскія суда» строились въ Китаѣ, но экипажъ на нихъ былъ не изъ китайцевъ.

ар-Рашида¹⁾. Изъ арабскихъ источниковъ, главнымъ образомъ изъ сочиненій Мас'уди и Абу-Зейда Хасана²⁾ сирафскаго, мы знаемъ, что непосредственныя морскія сношенія между арабами и китайцами продолжались до 264=877/8 г., когда наступившія въ Китаѣ смуты заставили иностранцевъ покинуть Кантонъ. Абу-Зейдъ сирафскій воспользовался разсказами двухъ путешественниковъ-очевидцевъ, Сулеймана, разсказъ котораго относится къ 237=851/2 г., и Ибн-Вахба³⁾; разсказъ послѣдняго приводится также у Мас'уди со словъ того же Абу-Зейда, котораго Мас'уди встрѣтилъ въ Басрѣ въ 303=915/6 г.⁴⁾ Ибн-Вахбъ, очевидно, совершилъ свое путешествіе въ послѣдніе годы до перерыва сношеній, такъ какъ его отъѣздъ изъ Басры, по словамъ Мас'уди⁵⁾, былъ вызванъ возстаніемъ зенджійцевъ, начавшимся, какъ извѣстно, осенью 869 г.⁶⁾; Басра перешла въ руки мятежниковъ въ 871 г.⁷⁾.

Въ теченіе слѣдующихъ десятилѣтій торговыя сношенія между арабами и китайцами происходили на западномъ берегу Малаккесскаго полуострова, въ гавани Kalah (у арабовъ *ak*); сюда пріѣзжали корабли какъ изъ Передней Азіи, такъ и изъ Китая. По словамъ Ф. Хирта и В. Рокхила (стр. 18), такъ продолжалось «по крайней мѣрѣ до начала X в., такъ какъ Мас'уди говоритъ, что такъ было въ то время, когда онъ посѣтилъ это мѣсто». Здѣсь, очевидно, недоразумѣніе; Мас'уди въ своемъ описаніи «семи морей», черезъ которыя шель путь въ Китай, всегда ссылается на разсказы очевидцевъ, изъ чего можно заключить, что самъ онъ этихъ мѣстъ не посѣтилъ.

Если о морскихъ сношеніяхъ IX в. говорятъ исключительно арабскіе источники⁸⁾, то свѣдѣнія о возобновеніи этихъ сношеній въ X в. и о ихъ дальнѣйшей судьбѣ мы, наоборотъ, находимъ исключительно въ китайской литературѣ.

1) Такип-Фъ, Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древніи времена, III, 273.

2) У Ф. Хирта и В. Рокхила по ошибкѣ (стр. 15) «Zeyd Hassan».

3) Такъ у Броккельмана (*Geschichte der Arab. Litteratur*, I, 523); у Ф. Хирта и В. Рокхила, какъ у Reinaud, «*Ibn Wahab*».

4) *Prairies d'or*, I 921 сл. Мас'уди называетъ его Абу-Зейдомъ Мухаммедомъ.

5) *Prairies d'or*, I, 312.

6) *Tabari*, III, 1742; ср. Th. Nöldeke, *Orientalische Skizzen*, S. 159 f.

7) *Tabari*, III, 1847 сл.

8) Изъ этихъ источниковъ переводчиками недостаточно использованъ трудъ Ибн-Хордадбега, хотя этотъ трудъ, дающій чрезвычайно подробныя и цѣнныя свѣдѣнія о путяхъ въ Китай, доступенъ во французскомъ переводѣ (*Bibl. Geogr. Arab. Pars VI*). Между прочимъ извѣстіе о разстояніи между Лукиномъ (Ханомъ) и Ханфу (Кантономъ), находящееся у Ибн-Хордадбега (стр. 49 перевода), приводится (стр. 22, прим. 1) съ ссылкой на Идриси.

Переводчики во введеніи (стр. 18 и слѣд.) замѣчаютъ только, что къ концу X в. торговое значеніе Кантона и Цюань-чжоу и прямыя сношенія этихъ гаваней съ арабами уже были восстановлены; слова китайскаго автора (стр. 117), повидимому, даютъ право связать этотъ фактъ съ восстановленіемъ порядка въ южномъ Китаѣ и воцареніемъ династіи Сунъ (960 г.): уже первый императоръ этой династіи въ 966 г. черезъ буддійскаго жреца¹⁾, предпринявшаго путешествіе въ «западные страны» (вѣроятно, въ Индію), отправилъ письмо къ «царю арабовъ», т. е. къ халифу; уже въ 968 г. къ Сунскому двору прибыли отъ арабовъ «послы съ данью» (вѣроятно, торговое судно). Около 999 г. былъ составленъ списокъ предметовъ внѣшней торговли Китая; были учреждены должности инспекторовъ этой торговли въ нѣсколькихъ гаваняхъ; въ XII в. всѣ сношенія сосредоточивались, «если не по закону, то по крайней мѣрѣ по обычаю» (стр. 22), въ Кантонѣ и Цюань-чжоу. Китайскія суда въ XII в. доходили до Куллама или Кялопа на Малабарскомъ берегу²⁾, причемъ этотъ городъ до времени Минской династіи, т. е. до второй половины XIV в., оставался крайнимъ западнымъ пунктомъ, куда вообще доходили китайскія джонки изъ Кантона (стр. 18).

Къ XII в. относится рядъ китайскихъ сочиненій о морской торговлѣ и о западныхъ странахъ. Первый изъ этихъ трудовъ, *Линь-чжоу-ко-тань*, составленъ въ первой четверти вѣка; самая поздняя дата, встрѣчающаяся въ немъ, относится къ времени между 1111 и 1117 г.; авторъ Чжу-юй былъ сыномъ чиновника, служившаго въ Кантонѣ во второй половинѣ XI в. (стр. 16, прим. 1). Изъ этого труда приводятся нѣкоторые извлеченія (стр. 29—33). «Однимъ поколѣніемъ позже» (стр. 33) писалъ Чжоу-цю-фэй, авторъ сочиненія *Линь-вай-да-да*; изъ другихъ мѣстъ, однако, видно, что промежутокъ времени между обоими авторами было болѣе значителенъ и обнималъ собой болѣе полвѣка, такъ какъ трудъ Чжоу-цю-фэ'я составленъ въ 1178 г. (стр. 22 и 164). Этотъ трудъ былъ главнымъ источникомъ переведеннаго Ф. Хиртомъ и В. Рокхилемъ сочиненія, посвящающаго заглавіе *Чжу-фань-чжи* («Описаніе варварскихъ народовъ»). Точно опредѣлить, когда составленъ этотъ послѣдній трудъ, переводчикамъ не удалось. Самый поздній фактъ, упоминаемый въ немъ — прибытіе арабскаго «посольства» въ Китай между 1205 и 1208 гг. (стр. 119). Въ главѣ о Багдадѣ сказано,

1) Возможно, что этотъ фактъ находится въ связи съ путешествіемъ въ Индію 300 монаховъ, отправившихся въ путь въ 964 и вернувшихся въ 976 г. (статья E. Huber въ Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême Orient, II, 256 сл.). Паломники совершили свое путешествіе сухимъ путемъ, причемъ на пути изъ Кашгара въ Кашмиръ коснулись также владѣній да-ши, т. е. арабовъ или мусульманъ.

2) Ср. о этомъ городѣ примѣчаніе де-Гуе къ тексту Ибн-Хордадбега (Bibl. Geogr. Arab., VI, nr o).

что предки «царя», т. е. халифа, «занимали престолъ въ теченіе 29 поколѣній, обнимающихъ періодъ отъ 600 до 700 лѣтъ» (стр. 135). На основаніи этихъ словъ переводчики стараются доказать, что авторъ Чжао-жу-гуа писалъ уже при послѣднемъ аббасидскомъ халифѣ Муста'симѣ (1242—1258); даже при такихъ условіяхъ приходится, чтобы получить число 29, начинать счетъ поколѣній не отъ Мухаммеда и его современниковъ (на это указывали бы слова о шести или семи столѣтіяхъ), но отъ мнѣшческаго предка соотвѣтствующей вѣтви корейшитовъ, Кусайя (قصى), въ имени котораго одинъ изъ современныхъ ученыхъ склоненъ видѣть слѣдъ древне-арабскаго религіознаго культа¹⁾. Однако, мало вѣроятно, что пріѣзжавшіе въ Кантонъ и Цюань-чжоу арабы знали число поколѣній отъ Кусайя до Муста'сима; гораздо правдоподобнѣе, что китайскій чиновникъ отъ своихъ собесѣдниковъ узналъ только, что халифъ происходитъ изъ рода пророка и что со времени пророка идетъ седьмое столѣтіе; отсюда онъ могъ сдѣлать выводъ, что династія правила непрерывно въ теченіе всего этого періода, и высчитать число поколѣній.

Въ противоположность свѣдѣніямъ, собраннымъ въ началѣ IX в. и вошедшимъ въ Тапъ-шу, китайскіе авторы XII и XIII вв. не сообщаютъ никакихъ именъ мусульманскихъ правителей и никакихъ данныхъ о политической исторіи мусульманскаго міра; при такихъ условіяхъ даже отсутствіе намековъ на государство хорезмшаха Мухаммеда и на монгольское нашествіе не можетъ служить доказательствомъ, что сочиненіе Чжао-жу-гуа написано до 1220 г. Единственное мѣсто, на основаніи котораго могъ бы быть установленъ *terminus ante quem*, находится во главѣ о государствѣ Chön-la, т. е. о Камбоджѣ; говорится, что въ 1199 г. изъ Камбоджи было совершено завоеваніе царства Чампа (Chan-ch'ông) въ Аннамѣ и что съ тѣхъ поръ «до настоящаго дня» Чампа остается въ зависимости отъ Камбоджи (стр. 54). По даннымъ, собраннымъ въ статьѣ Г. Масперо о Чампѣ²⁾, зависимость этого царства отъ Камбоджи прекратилась около 1220 г., изъ чего можно заключить, что Чжао-жу-гуа собиралъ свои свѣдѣнія въ теченіе первыхъ двухъ десятилѣтій XIII вѣка.

Китайскіе авторы XII и XIII вв. имѣли свѣдѣнія о путяхъ до Персидскаго залива и оттуда въ Басру и Багдадъ, также объ областяхъ, подчиненныхъ багдадскому халифу, но преимущественно интересовались пу-

1) M. Hartmann, Quzaij (Festschrift für Ignaz Goldziher, S. 435 f.).

2) Ф. Хиртъ и В. Рокхиль (стр. 50, прим. 11) могли воспользоваться только началомъ этой статьи, напечатанномъ въ XI томѣ (серія II) T'oung Pao. Историческій очеркъ помѣщенъ въ XII томѣ того же журнала; объ окончаніи войны между Чампой и Камбоджей говорится на стр. 314.

тѣмъ мимо арабскаго полуострова въ Египетъ. Объ Аравіи и Египтѣ они располагали нѣсколько болѣе точными свѣдѣніями, чѣмъ ихъ предшественники; какъ замѣчаютъ переводчики (стр. 121 и 125), изъ китайцевъ Чжоу-цзю-фэй первый упоминаетъ о Меккѣ (въ Тапъ-шу говорится о Мухаммедѣ и Мединѣ, но о Меккѣ не говорится), Чжао-жу-гуа о Нилѣ. При опредѣленіи разстояній до различныхъ мѣстностей исходнымъ пунктомъ служить городъ Мирбатъ (у китайцевъ Ма-ли-па или Ма-ло-па) на южномъ берегу Аравіи, что, конечно, указываетъ на источникъ полученныхъ свѣдѣній. Переводчики полагаютъ (стр. 25), что китайцы подъ словомъ Ма-ли-па понимаютъ не только Мирбатъ, но и Адень, главную гавань полуострова; однако разстояніе отъ Мирбата до Адена слишкомъ значительно; къ тому же XII и XIII вв. дѣйствительно были самой блестящей эпохой въ исторіи Мирбата. Названіе этой «славной гавани» въ то время, по выраженію Якута¹⁾, «часто бывало на устахъ у купцовъ»; городъ былъ столицей самостоятельнаго султана; такого правителя засталъ въ Мирбатѣ еще въ 540=1145/6 г. эпистоматоръ Иби-Хаукаля²⁾. Якутъ не былъ въ Мирбатѣ, но встрѣтилъ многихъ выходцевъ оттуда въ другомъ центрѣ индійской торговли, въ Кишѣ.

Любопытно мнѣніе переводчиковъ (стр. 135), что слово «Baudas», какъ Марко Поло называетъ Багдадъ, могло быть заимствовано только у китайцевъ. Передъ нами въ такомъ случаѣ былъ бы интересный фактъ, что европейскій путешественникъ, приведившій географическія названія, относящіяся къ Китаю, въ ихъ персидской формѣ, въ то же время называлъ столицу халифата такъ, какъ ее называли китайцы. Однако мы въ текстѣ Марко Поло и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ прочихъ, находимъ столько вариантовъ³⁾, что трудно было бы установить, какъ произносилъ названіе Багдада самъ путешественникъ, какъ извѣстно, не писавшій, а только диктовавшій рассказы о своихъ странствіяхъ.

На западѣ свѣдѣнія китайцевъ доходили до Марокко и Испаніи. Любопытно, что у Якута⁴⁾ есть рассказъ объ испанцѣ Абу-л-Хасанѣ Са'д-ал-хайрѣ, умершемъ въ 541=1146/7 г., который называлъ себя «китайскимъ» (ас-Сяи) потому, что совершилъ путешествіе въ Китай.

Въ примѣчаніяхъ собрано много свѣдѣній о предметахъ ввоза въ Китай, между прочимъ и о такихъ товарахъ, которые проникали туда не только морскимъ путемъ. Такъ переводчики доказываютъ, что хлопчатая бумага

1) Jacut, IV, 482.

2) Bibl. Geogr. Arab. II, p. X.

3) Въ изданіи И. П. Минаева (стр. 33, прим. 2) приведены варианты Baudac, Baudach, Baudas, Bauda, Baldach, Baldatum, Baldachum, Baldacum, Baldac.

4) Jacut, III, 444 и слѣд.

проникла въ Китайъ изъ Средней Азіи; китайское слово ро (или раі)-тіе, по ихъ мнѣнію, заимствовано изъ какого-то турецкаго нарѣчія, причемъ приводится джагатайское слово *пахта*¹⁾. Но это слово, по всей вѣроятности, не турецкаго, а иранскаго происхожденія²⁾, и перешло къ туркамъ отъ прежнихъ иранскихъ жителей Восточнаго Туркестана.

По богатству содержанія новый трудъ Ф. Хирта и В. Рокхилла является, конечно, достойнымъ продолженіемъ прежнихъ трудовъ обоихъ синологовъ.

В. Б.

1) Переводчики ссылаются на словарь В. В. Радлова, IV, 1138; большее число діалектическихъ формъ приводится въ словарь Будагова, I, 219.

2) По образованію слово *пахте* должно быть признано причастіемъ страдательнаго залога отъ глагола *пахтен*, въ персидскомъ языкѣ теперь утраченнаго. Въ персидскихъ словаряхъ приводится слово *пахте* въ значеніи «штукатурка»; въ *فرهنگ جهانگیری* (инд. изд. I, 275; указаніемъ на этотъ источникъ я обязанъ Ф. А. Розенбергу) приведено также значеніе «хлопчатая бумага» (*پنبه*). Какъ нынѣшнимъ турецкимъ словомъ, такъ, очевидно, и старымъ иранскимъ обозначается не растеніе и не ткань, а вата; глаголь *пахтен*, по всей вѣроятности, имѣлъ значеніе «топтать, давить, сжимать»; въ страдательномъ значеніи (*pulsari, contundi, pede premi*) въ словарь Вуллера приводится глаголь *پنجیدن*.